

18+

Александр Руджа

Палеоконтакты

Александр Руджа

Палеоконтакты

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=50761132

ISBN 9785449820136

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Наша история полна мифов о таинственных божествах, пришедших с небес и одаривших человечество невероятными знаниями. Впрочем, иногда они появлялись не с неба и никого ничем не одаривали, а совсем даже наоборот... Пришло время объяснить, чем занимались на нашей Земле те парни в сверкающих скафандрах много-много лет назад!

Содержание

Валхалла	5
Никто и не вспомнит	13
Контракт	24
Одиссея	28
Не убий	36
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Палеоконтакты

Александр Руджа

© Александр Руджа, 2020

ISBN 978-5-4498-2013-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Валхалла

Когда широкою грудь Хакона Черного пронзил вражеский меч, тот не испугался. Любой мальчишка знает: пасть в бою, сжимая в руках оружие – честь, а не позор. Это значит: норны выткали на полотне судьбы его имя, а Одину для его тайных планов понадобился новый отважный воин. Хакон не задумывался о том, для чего Отцу лжи нужно столько могучих бойцов, он просто захрипел, поднял лицо к небу, разыскивая там валькирий, рявкнул во всю мощь огромных легких:

– Один! Я иду к тебе!

И умер.

Вокруг кипела сеча. Свистели стрелы, громадные топоры легко крушили деревянные щиты с криво намалеванными рунами, вопили и умирали люди, прибрежные камни щедро омывал кровавый прибой. В небе непрерывно сверкали молнии – там веселился, поигрывая молотом, Тор, беспутный и отважный сын одноглазого бога.

Смерти Хакона никто не заметил.

***

Он пришел в себя через некоторое – какое? – время, стоя посреди невероятно широкого пустого чертога, сделанного из блестящего металла. По обеим его сторонам зияли огромные круглые окна, но за ними не было ничего – только уютная черная пустота, проткнутая множеством мерцающих бе-

лых гвоздей. Блестящий мраморный пол мелко подрагивал, словно где-то далеко внизу шел бой, отголоски которого добирались даже сюда.

– Я умер, – сказал себе Хакон Черный. – Я умер, Один призвал меня к себе, и теперь я стою на самом краю Гиннунгагап, зияющей бездны, из которой родились миры. Но где же Валхалла? Где обещанный вечный пир с лихими друзьями и никогда не заканчивающейся битвой, в которой не бывает смерти?

– Правила изменились, – голос прозвучал из-за спины викинга, и Хакон мгновенно развернулся, бестолково шаря рукой у пояса. В бою за такую неловкость его бы уже давно убили. А здесь... Ну да, здесь он и так уже мертв.

Напротив стоял человек. Высокий, седоватый, с золотой нашлепкой на месте правого глаза. На длинном лице с крупными выразительными чертами легко различались усталость и благородство. На черных одеждах был выткан узор, состоящий из ворон и девяток.

Хакон не думал долго – склонил голову и опустился на одно колено.

– Всеотец...

– Один, просто Один, – мягко сказал бог. – Рад видеть тебя, Хакон Черный. Ты славно сражался и, честное слово, жаль, что земной путь твоего хирда закончился так рано.

– Что? – Хакон наморщил лоб. – Жаль? Но ведь ты сам решил прибрать меня...

Один вздохнул.

– Давай-ка пройдемся. Все малость сложнее, чем ты думаешь.

Шаги отдавались в мраморной пустоте зала. Далекий гул уже не привлекал внимания.

– Видишь ли, мой друг-викинг... наше маленькое предприятие начиналось больше двадцати сотен лет назад по вашему счету. Нашей компании... то есть, я хочу сказать, компании богов, среди которых был и я...

– Асов.

– Что? А, да... верно. Словом, в определенный момент, по ряду довольно неудачно складывающихся причин, нам понадобились воины. Тренированные бойцы в товарных количествах. И тогда...

– Вы призвали людей севера. Норманнов!

Один как-то не очень уверенно нахмурился.

– В то время никаких... хм. Словом, мы обратились к другим могучим воинам, немного южнее. Поддерживали их, инвестировали... вкладывали в этот проект золото, буквально творили чудеса и водили хороводы вокруг. Но выхлоп... то есть результат был разочаровывающим.

– Вам следовало сразу найти нас, – сказал Хакон, чувствуя себя неловко от того, что приходилось давать советы богу. – Северная кровь горяча.

– Вероятно, ты прав. Мы и отправились чуть севернее, испробовали другой народ, живущий на полуострове среди

теплого моря, и на первых порах казалось, что все идет как надо, но...

– Эти племена тоже оказались слабы?

– Люди, – с нажимом произнес бог. – Люди оказались слабы, слишком подвержены своим дурацким порокам, детским болезням – тщеславию, алчности, гордыне... А я ведь говорил Менелаю, убеждал его прислушаться к голосу разума – но он предпочел ввязаться в ту долгую авантюру, которая не давала достаточного притока мертвецов...

Хакон расправил могучие плечи, подергал себя за бороду, сощурил темные глаза – причину своего прозвища. Бог говорил бессвязные, непонятные вещи – но разве не этим они всегда славились?

– Да правда ли то, что я умер? Я не чувствовал себя более живым с шестнадцати лет!

– Это называется фантомная память, – сообщил Один. – Вся информация о тебе, все твое «я» содержится в... ну, вы называете это «душой», которую после смерти извлекают из земных тел наши... металлические слуги.

– Валькирии!

– Именно они, Хакон. Именно. После этого души помещаются в новые тела: дешевые в производстве, более долговечные, чем органика, и неотлично похожие на изначальные.

Викинг нахмурился.

– Но зачем вам наши мертвые души в чужих телах?

– Боевые навыки, которым вы обучаетесь всю жизнь, бес-

ценны. Мы используем вас на других пла... в других мирах, я хотел сказать.

– Нифльхейме, Муспельхейме и...

– Вроде того. Миров огромное количество, и везде нужны опытные солдаты. А если выставить ценник малость ниже, чем у конкурентов...

– Не понимаю.

– И не нужно. В общем, наш бизнес-план довольно точно отражен в ваших сагах. Но вмешалась одна неприятная деталь.

– Рагнарок, – понимающе кивнул Хакон Черный, начертив в воздухе защитную руну «тейваз». – Конец света и последняя битва.

Один вздохнул – так вздыхают, когда спустя много лет все еще раскаиваются за ошибки бурной молодости.

– Нет, дружище. Гораздо хуже – гуманизация и прогресс.

– Это имена ледяных великанов?

– Точней и не скажешь. Они захватили большую часть миров, и услуги старых добрых ЧВК стали не нужны. Зачем тратить на орду мегаклонов, когда почти любой вопрос можно решить дипломатией и компромиссами – в лучшем случае точечной спецоперацией? Что за либеральная идиотия стукнула в голову людям?

Хакон почувствовал странную и неуместную жалость. К такому саги его не готовили. Кто знал, что посмертие окажется сложнее жизни?

– В общем, услуги тебя и твоих сородичей нам больше не нужны, Хакон. Мне и самому неприятно доставлять тебе скверные новости, но это так.

Викинг почесал кулачищем лоб.

– В твоей истории, Один, есть кое-что, чего я не могу понять. Мне была обещана Валхалла: тысячи моих братьев, проводящих дни в жестоких схватках, но не умирающих; столы для пира, ломящиеся от яств, и ласковые девы, готовые одарить собой славных воинов, достойных этих чертогов.

– Я же объяснил...

– Да, но старики говорили иное. Я слышал мало хорошего о богах, но одно знаю точно: так или иначе, они выполняют то, что посулили. Всегда.

Один вздохнул.

– Собственно говоря, способ есть – все же вы, викинги, на редкость упертые парни и продолжаете гибнуть в каких-то совершенно немислимых количествах. Правда, тебе он может не понравиться; видишь ли, ты встретишься с совершенно новым местом и окружением, да и адаптация к новому телу может сопровождаться...

– Если там будет обещанное, это достаточно хорошо для меня.

– Что ж. – Во взгляде бога на секунду промелькнула хитринка, обычное дело для Отца Лжи. – Иди за мной, Хакон.

***

– Черныш! Переваливаясь на толстых ногах, баба Галя выползла на крыльцо. – Черныш! Кис-кис-кис! Где ж ты шляссси, зараза такая?

Присыпанный пылью и тишиной летний двор был пуст. Качался старый орех над собачьей будкой, на крыше сарая сушились собранные с утра абрикосы, на огороде стройными рядами поспевали подвязанные помидоры и прятались в стелющейся по земле листве огурцы и патиссоны. Послеполуденное солнце высокомерно поглядывало на истрескавшуюся землю у своих ног.

– А чтоб ты сдох, анцыхрыст, – плюнула баба Галя и тут же безо всякой логики продолжила: – Ты жрать будешь или нет?

В кустах у забора зашуршало. Затем раздался долгий и яростный мяв. Потом виноградные лозы начали раскачиваться как сумасшедшие.

– Опять ты Лафика соседского гонять придумал? – догадалась баба Галя. – Дело хорошее. В мисочку я тебе супа насыпала, посёрбаешь после.

Черныш не слышал. Прижав маленькие уши и выпучив оранжевые глаза, он соскочил с винограда и сейчас несся сквозь пахучие помидорные заросли за дерзким нарушителем, гоня его до невидимой границы. За ней их роли переменятся, и уже Черныш будет улепетывать со всех лап, протяжно воя и сшибая на своем пути хлипкие растения – такое уж это было славное место и время, теплое, бесконечное и бессмысленное. Черныш был счастлив.

«Валхалла, – пульсировало в крошечном мозгу непонятное и веское слово, – Валхалла...»

Никто и не вспомнит

Приам, чье имя означало «лучший», многолетний и удачливый царь Вилусы, был мрачен.

– Лагерь ахейцев пуст, кораблей нет – собирались в спешке. А вместо отрядов воинов разведчики доносят только вот... об этом. – Он раздраженно махнул рукой в сторону окна. Присутствующим на военном совете в царских покоях не нужно было вытягивать шеи, чтобы увидеть длинную темную тень, нависавшую над водами залива неподалеку от стен Илиона.

Царь прошелся по комнате, седая борода качалась в такт шагам.

– Прежде чем предпринимать что-либо, следует взвесить все варианты и возможности. Лучше всего мы сделаем это снаружи, оценив ту... удивительную постройку. Деифоб, что в окрестностях города?

Заросший густой бородой военачальник, преемник великого Гектора, покачал головой.

– Я выслал пешие дозоры – они никого не обнаружили. По крайней мере, в десяти полетах стрелы нет ни одного ахейца.

Приам нахмурился еще больше.

– Придется взглянуть на это... эту... диковину ближе. Сейчас же!

Шершавые, желтые, изъеденные временем плиты, мостящие окрестности Илиона, быстро кончились, и дальше пошла только сухая почва Трояды с преобладанием песка. Знатные тевкры шагали молча – пусть и немолодые, но все бывшие воины, они были привычны к нагрузкам. За быстро движущейся группой едва поспевали носильщики тентов от солнца и единственный жрец Лаокоонт. Чудище посреди бухты приближалось медленно – но все-таки приближалось.

Оно было ста локтей в высоту и стояло на четырех ребристых, увитых толстыми металлическими прутьями подпорках, уходящих под воду. Покрытое странным материалом, сооружение временами поблескивало тусклым золотом, словно было облицовано елью, то отдавало плотной дубовой темнотой, то светлым кленом. Спереди и сзади из вытянутого на пятьсот локтей корпуса выдавались вверх короткие угловатые надстройки. По правде говоря, непонятный предмет напоминал корабль без паруса – но неизмеримо больше, особенно в сравнении с обгорелыми останками ахейских судов, которые столь удачно сжег как-то покойный ныне Гектор. Вот только эти подпорки...

Вельможи остановились почти у линии прибоя, качавшего ленивую пену на нетронутом утреннем песке. Чудище было совсем рядом, оно нависало над водами Сигейской бухты, а ближайшая «нога» была едва ли в полусотне локтей.

– Кто ты? – церемонно и громко сказал Приам, став впереди. Легкий ветер с моря развевал его накидку, позвяки-

вал украшениями в волосах. – Дар, посланный бессмертными богами, или творение коварных ахейцев? Я, Приам, сын Лаомедонта, царь Илиона, заклинаю – яви свою суть!

Повисшее в воздухе напряжение можно было рубить мечом. Если верно второе предположение, то именно сейчас откроются тайные люки, и из чрева гигантского корабля хлынет закованная в бронзу рать. Долопы и мирмидоняне кровожадного Ахилла, владыки скифских земель, потрясающие оружием итакийцы хитроумного Улисса, суровые лакедемоняне Менелая Алкида...

Тишина, однако, оставалась нетронутой, только волны мыли пустынный берег, как долгие годы до этого, да кричали в бездонной синеве неба чайки. Приам вздохнул и обернулся к ожидавшим его вельможам.

– Что ж, полагаю, битва сегодня не состоится, – сообщил он, улыбаясь в усы. Еще ничего не было понятно, но игнорировать вызов считалось недостойным даже у ахейцев. Демон Ахилл, помешанный на чести Менелай, да и Агамемнон должны были понимать, что после такого на них начнут кося поглядывать даже их собственные воины. Кроме разве что хитреца Улисса, но тому позволялось даже открытое богохульство... Что ж, значит, это, скорее всего, не ловушка. Но что тогда?

– Что скажешь, брат? – обратился Приам к Антенору, прямому, худому и седовласому, как и он. Строго говоря, он не был родным братом царя, но тот частенько звал его так,

чтобы подчеркнуть глубину уважения и приязни. Антенор был стар, мудр и осмотрителен. Его слову можно было верить.

– Чудо бессмертных богов видим мы пред собой, царь, – уважительно отвечал советник. – Стража доносит, что было великое зарево ночью, и грохот, и дым – в лагере ахейцев царили пожары, и страх бога Пана, лесного владыки, властвовал здесь. Клянусь, если окажется, что аргосцы коварные и вправду исчезли – со всеми своими судами, с отрядами воинов, мародерами и маркитантками, я сам поставлю посреди Илиона памятник козлоному, спасителю города!

– Ты говоришь пока о желаемом, старый друг, – мягко остановил его Приам. – Понимаю, мы все устали от войны, и надежда на то, что она, наконец, завершилась, туманит разум... Но после долгих десяти лет осады и смертей лучших сынов Илиона нам следует быть осторожными. Что же вы посоветуете, друзья и соратники – как следует поступить с этим... конем?

Слово было сказано. Конь. Невероятная, гигантская конструкция и вправду немного его напоминала. Четыре ноги-подпорки, стремительное, распластанное в воздухе изящное тело-корпус, гордо задранная голова спереди – и длинный развевающийся хвост сзади. Троянский конь.

– А как нам с ним поступить? – удивленно взмахнул ручищами Деифоб, большой и разлапистый, словно гиперборейский урса. – Клянусь Сутехом, да он больше, чем храм Афи-

ны на главной площади! Мы не можем перевезти или разобрать его – поглядите на размеры и на искусную работу. Отсюда я не вижу ни единого гвоздя, ни единого стыка на коне – это истинно работа богов. Можно разве что попробовать поджечь его стрелами – но я не вижу причин для этого.

– Оставить здесь? – критически задрал бороду Антенор. Деифоб кивнул.

– По мне, пусть стоит как стоял – возможно, богам этот конь оказался не нужен, а наши дети придумают ему применение. Сейчас главнейшее дело – убедиться в бегстве ахейцев и начать восстанавливать разграбленные города и храмы поблизости. Тенедос, Лесбос... Да только крупных городов Трояды, разрушенных Пелидом, будет не меньше десятка! А конь – что конь? Пускай стоит, сена не просит, – и Деифоб хохотнул, довольный собственной шуткой.

– Отец, он не прав! – Звонкий голос заставил Приама нахмуриться. Дочь, конечно, могла находиться здесь по праву крови, но... лучше бы она этого не делала, очень уж хлопотным оказывалось ее пребывание, и слишком мрачными были всегда ее слова.

Кассандра приблизилась, по-простецки подпернув длинные юбки. Длинные золотые волосы свисали распутанными локонами в беспорядке, запавшие синие глаза блестели от волнения.

– Мне было пророчество! – объявила она. Приам вздохнул, Антенор тоже. Парис, младший, улыбнулся – рассказы

сестры всегда его забавляли. – Я видела беду, исходящую изнутри. Я видела людей, притаившихся в стальном чреве – огромных, могучих. Я видела дым и пламя, разрушенные стены, стоны и плач – это чудище принесет в Илион горе, большое горе!

– Дочь, никто не собирается волочить его в город, – попытался урезонить ее Приам. – Конь огромен и наверняка тяжел, а наши воины и без того валятся с ног. На что он нам?

– Не знаю... – девушку бил озноб. – Но я видела это так четко, как вижу сейчас вас. От этого чудища просто веет кровью и смертью. Присмотритесь! Послушайте!

Вельможи прекратили шептаться и встревожено затихли. Кажется, от коня и в самом деле исходило слабое гудение.

– Царь! – придерживая серые плащи, к ним спешили трое разведчиков. Тот, что находился посередине, почти висел на руках товарищей, вяло перебирая ногами. Ранен? Соглядатаев ждала засада?

Приам ошибся – царя подвели глаза. Человек оказался пленником, его звали Синон, и он был из ахейцев, с Итаки. Хоть Синон и не носил богатых доспехов, лишь влажный кожаный панцирь, но опытный воин легко мог заметить, что он не из простых солдат.

– Это... походило на могучий удар молота Гефеста в его кузне, – глухо рассказывал пленник, стоя перед царем и его вельможами и косясь на исполинскую фигуру коня. – Глубокой ночью нас разбудила вспышка в небе, подобно тому,

как с колесницы Гелиоса срываются порой шипящие искры и падают в море. Эта упала совсем рядом с нами, и волны жары и раскаленного пара затопили наш лагерь, словно Фатон снова решил испытать терпение отца. Многие погибли – один Паламед стоил сотни простых воинов... Мы спешно погрузились на корабли, столкнули их в кипящую воду и немедля отплыли. В какой-то момент я потерял сознание от удушливой тьмы и свалился за борт – но милосердные волны выбросили на берег прежде, чем я успел свариться и утонуть.

– Говорю же вам – это чудовище есть зло, – простонала, схватившись за голову и глядя на солнце сквозь дрожащие ладони, Кассандра. – Синяя горящая смерть, что погребет под собой город! Его нужно уничтожить – сегодня, сейчас, немедленно! Я же вижу все, вижу ясно... почему мне никто не верит?

– Дочь, оставь слезы, – отрезал Приам. – Божественный конь – не наших рук дело, и никто не станет приближаться к нему без особой необходимости...

– Ты заблуждаешься, царь! – Лаокоонт вошел в воду, потрясая отобранным у кого-то из сопровождающих копьем. – Эта огромная туша – не подарок богов, а их испытание! Или, того хуже, ловушка коварных данайцев! Вам ли не знать их лисьей хитрости, они либо сидят внутри, затаившись в сверкающих латах, либо коня возвели, чтоб им наши стены ломать! Пусть я не первый из тех, кто разрушить коня предла-

гает, но буду первейшим, кто совершить это твердо намерен!

– Бессмысленное упражнение в дерзости, – покачал головой Приам. – Причем дерзости по отношению как к богам, так и ко мне. Ты забываешься, жрец.

Лаокоонт не слушал. Зайдя по колено в воду, он размахнулся и с силой отправил копьё в полет. Снаряд ударился об одну из ног коня и отскочил в сторону с глухим басовитым звуком.

– Уведите его, – распорядился Приам, недовольно дернув щекой, и разведчики развернулись к жрецу, но сделать уже ничего не успели.

Над морем разнесся громкий металлический гул. Сверкающий корпус коня пошатнулся и пришел в движение, в его днище открылись глубокие черные дыры, стремительно набухающие синим маревом, на которое было больно смотреть. Гул перешел в оглушительный свист, разрывающий барабанные перепонки. Над водой, срывая гребешки волн, понеслись стремительные горячие вихри.

– Уходи, отец! – перед Приамом возник бешено кричащий Деифоб. Кассандра за его спиной упала на колени, уставившись бессмысленными глазами в небо. – В город!

Из дыр в корпусе вниз ударили столбы ослепительного света, подпорки почти сразу заволокло плотным белым туманом от испаряющейся воды. Он шипел и приближался с невероятной скоростью. Приам, повисший на руке сына, почти не мог идти, жадно хватая насыщенный раскаленной

влагой воздух.

Рядом упал, как подкошенный, Парис и почти сразу – Антенор. Ладонь Деифоба выскользнула из руки царя, и фигура почти сразу исчезла в заволочшей все ядовитой дымке, из которой по-прежнему несясь рев и металлический лязг обезумевшего чудовища. Что-то кольнуло в груди. Приам со свистом вздохнул и завалился на спину, еще успев заметить, как над головой пронеслось что-то большое, сверкающее серебряным, синим и черным, пахнущее дымом и медью. «В сторону города», – мелькнула последняя связная мысль и исчезла, и все остальные мысли исчезли тоже, сразу и навсегда.

***

– Гер, какого дьявола ты творишь? – Атен, сидя на краю анабиозного ложемент, раздраженно отскребал иней с форменного воротника.

– Прошу прощения, капитан, – первый помощник, крупный и длинноволосый, развел руками. – Двадцать галактических часов назад диагностика показала утечку охлаждающей жидкости в реакторах. Неполадка была устранена только когда потеря приблизилась к двадцати пяти процентам. В качестве паллиатива был выбран вариант с посадкой на ближайшую кислородную планету и использованием жидкой воды в качестве замедлителя.

– Верное решение, – проворчал капитан. Цвет его лица постепенно менялся с мертвенно-синюшного на нормаль-

ный розовый. – Примитивное, но верное. И что пошло не так?

– Корабль совершил аварийное приземление в ночной части планеты, на участке с максимально ровным морским дном, неподалеку от берега. Начался забор воды, рядом, правда, располагались какие-то аборигены, но следов применения огнестрельного или энергетического оружия зафиксировано не было, так что опасности кораблю они не представляли. Час назад забор успешно завершился, корабль прогрел двигатели и стартовал.

– Правда? – Атен иронически поглядел в окно. Там был дым, пыль и языки огня, где-то металась и падали совсем мелкие на расстоянии люди. – С того места, где сижу я, все по-прежнему выглядит так, будто мы все еще застряли на поверхности планеты.

– Непредвиденные обстоятельства, капитан. – Гер пожал плечами. – По всей вероятности, в воде было большое количество живых организмов, привлеченных тепловым излучением. Медузы, рачки... Они забили фильтрующие системы, реактор опять перегрелся, автоматика отключила его – и корабль резко потерял высоту. И упал. Сэр.

– Мы что, на город рухнули? – Атен попытался разглядеть что-нибудь сквозь закопченные от жесткой посадки окна. – Вижу развалины, стены какие-то... Удивляешь ты меня, Гер. Каждый полет умудряешься превратить в карусель из жуткого невезения и чудовищного непрофессионализма. Впол-

не возможно, ты только что разрушил какую-то местную колыбель цивилизации.

– Будем надеяться, что нет, сэр, – вежливо возразил первый помощник. – Фильтрация воды в настоящий момент закончена, реакторы работают штатно, инцидент исчерпан, больше такого не повторится. А город... не думаю, что он представлял хоть какую-то ценность – слишком уж примитивен.

Он повернул тумблер на пульте управления, возобновляя подачу энергии на стартовые двигатели.

– Держу пари, через пару сотен лет о нем никто и не вспомнит.

Контракт

– Это все?

– Именно так.

– Целиком и полностью?

– Снова верно.

– Боже всемогущий!

– И тут ты не ошибся. Послушай, парень, мне приятно поболтать с тобой время от времени, но время дорого, поэтому интересуюсь в последний раз: точно все ясно?

– Кажется, да.

– Черт! «Кажется»?

– Для меня все это впервые, голова все еще словно отлита из меди. Гудит...

– Верно, я все время забываю. Тогда по пунктам. Первое и главное: ты и твои ребята играют по правилам, усек? Ты это признаешь и соглашаешься, и обязуешься следить за своими парнями, чтобы те не позволяли себе лишнего. Правила – это главное, без них никуда. Вселенная не любит беспредельщиков, так и знай.

– Кого?

– Неважно. В общем, вам нужно будет соблюдать правила, список я тебе дал – вот он, у тебя подмышкой. Правил относительно немного – хоть ты и считаешь иначе, но видел бы ты наш Межзвездный Кодекс! – и они жизненно важны. Так

что перечитай, заучи наизусть, расскажи своим и убедись, что они все поняли правильно, а в тексте нет двусмысленных формулировок. Досадно, что у вас там нет толкового юриста, не доросли вы еще до осознания их незаменимости...

– Я не уверен, что понимаю...

– Это нормально для данного места и времени, дружище. Разрази меня гром, если я чувствую себя в своей тарелке. Три раза «ха-ха» за удачную игру слов. Но ведь дело есть дело, верно?

– Итак, мы принимаем твои правила и живем по ним. Это я понял. И... что дальше?

– А дальше... по истечению определенного – весьма длительного – срока мы, так сказать, в одностороннем порядке вводим для этой планетки безвизовый режим.

– Что?

– Ну, пускаем к себе. Открываем общий доступ. Фактически даем пропуск на небеса для всех, кто ознакомится с контрактом и примет на себя соответствующие обязательства. Неплохая сделка, верно?

– Думаю, да.

– Что-то ты приуныл, дружище. Хорошо себя чувствуешь?

– Нет-нет, все в порядке, вот только одного я никак не могу понять... Зачем вам все это? Вы оберегаете мой народ уже столько лет, и теперь предлагаете этот контракт... но я не могу увидеть здесь никакой для вас выгоды.

– Вот ты о чем... Ну, вообще-то это не совсем так. Выгода есть – это в первую очередь моральное и эстетическое удовлетворение от наблюдения за тем, как с нашими скромными советами и консультациями... и гуманитарными поставками – помнишь, как мы ловко сбросили те крупы в пустыне? – вы из грязного нечесаного сброда постепенно становитесь вполне приличной командой.

– Премного благодарен за оценку.

– Не стоит, это же чистая правда. А кроме того... Через несколько сотен лет с такими темпами развития вы вполне сможете выйти в космос – если будете слушаться старших, я хочу сказать. А космос – это... Словом, нам вполне может пригодиться младший партнер. Усекаешь, к чему я веду? Партнерство – это уже не сраное прогрессорство во вшивом отсталом мире, которым мы занимаемся тут уже который год, это занятие повыше уровнем: колонизация, работа с частными военными компаниями, а может, и еще кое-что... по правде говоря, у меня даже дух захватывает от перспектив.

– Я...

– Ни черта не понял. Разумеется. Это нормально. В будущем, я думаю, придется иметь дело с ребятами посмышленей – ты все-таки староват для полноценного сотрудничества. Но это дело не одного года, а пока придется начинать с малого. Ладно, парень, топай там к своей шайке, а то они определенно начинают уже маяться какой-то бессмысленной

и опасной ересью. Разберись.

– Все будет сделано, господин.

Шаркая соломенными сандалиями по ситаллическому полу космического корабля и едва не сгибаясь под тяжестью двух увесистых скрижалей с контрактом, Моисей вышел.

Одиссея

– Как-то это неправильно, – пробормотал Одиссей, входя в стальные чертоги богов.

Чертоги были округлой формы и отличались богатством, блеском и невиданными устройствами, которые иногда молчали, а иногда двигались, издавая странные звуки. Те, кто уже бывали здесь, сходились во мнении, что боги обладали невообразимым могуществом, способным уничтожить любого смертного в мгновение ока. Тем не менее, было ясно, что они, в общем, расположены к людям и часто им помогали.

– Одиссей! – воскликнул Гермес. Златокудрый бог был одет в облегающие одеяния, которые блестели, словно металл, но металлом не были. В руках он держал прямоугольную пластину из прозрачного вещества, похожего на застывший лед. Лоб и часть глаза Гермеса прикрывал сложной формы узор из такого же вещества. Одиссей решил, что это головной убор, чтобы уберечь бессмертного от жаркого солнца Аттики.

– Уважаемый Гермес, – произнес Одиссей заученную формулу, – мне сказали, что вы сможете мне помочь.

Бог рассмеялся.

– Конечно, смогу! Я здесь как раз для этого. Давай присядем, дорогой мой человек.

Они опустились на гладкие отполированные камни, которые, судя по весу, никак не могли быть камнями. Гермес зачем-то погладил свою прозрачную табличку. На стенах проступили яркие письмена, которые временами (когда Одиссей не смотрел на них) двигались, а вверху загорелись маленькие факелы, не дающие тепла. Воистину, владения богов полны чудес, невысказанных для простых смертных!

– Итак, сын Лаэрта, чем я могу быть полезен? – улыбнулся Гермес. Это был вообще очень улыбочивый и доброжелательный бог, не в пример мстительным титанам вроде Океана и Гипериона, от которых невозможно было допроситься ничего, кроме жестоких морских бурь или палящего зноя.

Одиссей откашлялся.

– Уважаемый Гермес, дело в следующем. Как вы, возможно, знаете, только что закончилась Троянская война...

– Да-да, – кивнул бессмертный, постукивая пальцами по ледовой пластине. – Десять сезонов, большой финал, невероятный успех у зрителей...

– Э-э... и мы, ахейцы, одержали в ней славную победу...

– Благодаря тебе, милый Одиссей, исключительно благодаря тебе! Эта военная хитрость с конем была просто великолепна, мы аплодировали всем Олимпом...

– Но вот какое дело... – Одиссей помолчал. – В общем, не очень хорошо, что войне пришел конец. Добыча, конечно, добычей, а слава – славой, только мне-то теперь домой возвращаться, а там...

Он махнул рукой. Гермес с видом напряженного внимания глядел на него и кивал.

– Я сам с Итаки, как вы знаете... Бывали у нас? Островок – переплюнуть можно, там и живет-то всего сотни четыре человек. Но считается отдельным царством, а я, понятно – натуральным царем. Только что это за царь, который правит тремя деревнями и собственным дворцом, а всех дел у него – только охотиться на зайцев да задирать хитоны нимфам? Это и не царь вовсе, а обычный сельский староста. Вот только старостой быть мне не по вкусу.

Гермес все еще кивал, но при этом не отрывал взгляда от таблички. Одиссей почувствовал, что теряет внимание бога.

– Понимаете, на войне я был героем. Вы сами говорите, хорошо себя показал, воины меня уважали... Даже сыны богов не чурались сидеть вместе на пирах – Ахилл, Диомед, Менелай, Агамемнон, хотя тот-то был просто старый брюзгливый старик...

– Да-да, – вежливо сказал Гермес. – И что бы ты хотел конкретно от меня?

Одиссей с ужасом понял, что не знает, как объяснить.

– Вы... боги говорили, что им нравится смотреть на приключения смертных. А теперь приключение закончилось, и, выходит, вам скоро станет скучно...

– Нет-нет, – покачал головой Гермес. – Закончилось конкретно это приключение. Но у нас уже готов к запуску по-

каз с китайского полигона – династия Шан очень перспективно себя ведет – потом есть Египет, где у молодого Рамзеса есть все шансы стать новой звездой, кое-какие наметки в Пенджабе... в общем, шоу продолжается, дорогой Одиссей. Шоу продолжается, но уже на других экранах.

– Но я? Как же я? – воскликнул царь Итаки. Он чувствовал себя обманутым.

Гермес скептически смерил ахейца взглядом. Собрался было что-то сказать... но вдруг нахмурился и наморщил лоб, как бы вспоминая. Или планируя. Глаза его затуманились.

– Авторский проект, – пробормотал он. – Малый бюджет, фокус на одном человеке... Одиночка против дикого мира вокруг... Круглосуточная трансляция... Почему бы и нет? Хм... Одними природными катаклизмами сыт не будешь, но это поправимо... Может сработать. Да.

– Да, – повторил он с чувством, глядя на Одиссея с каким-то хищным выражением. Так хорошая хозяйка смотрит на кусок мяса, прикидывая, сколько бульона из него может получиться. – Что ж, милый Одиссей... думаю, твое желание о том, что приключение не должно заканчиваться, вполне осуществимо.

– Всесильный Гермес... – привстал с мнимого стула ахеец, но тут же был усажен на него мановением ладони бессмертного.

– Сюжетно мы это оформим просто: возвращение домой. Вечная тема, так что зрителям понравится. Преодолевая

разнообразные препятствия и препоны, героический царь – здесь можно быстро перечислить твои подвиги из «Осады Трои» – в конце концов прибывает в родную Итаку.

Гермес постучал пальцем по табличке.

– Тут лучше условиться сразу. Сколько сезонов... то есть, сколько лет ты готов путешествовать по морям и волнам, прежде чем доберешься до дома?

– На все воля богов! – с энтузиазмом воскликнул Одиссей. – Если войну пережил, то морскими странствиями меня и подавно не напугать.

– Еще десять лет? – задумался бессмертный. – Многовато, конечно, хотя если подойти с воображением...

Он принялся водить пальцами по нашлепке на глазу и бормотать. Нет сомнений, так боги сносились со своими братьями на далеком Олимпе.

– Арти? Слушай, кто из легких на подъем племен у тебя есть на востоке текущего театра? Галлиполи, Эдирне, вот эта часть... Да, подожду.

– Посейдон Кронович, мое почтение... интересуюсь насчет сильного шторма между Критом и Пелопоннесом... Чтобы молнии, и светящаяся под луной вода, и девятый вал, и ужас на лицах матросов... Нет, не сейчас. Нет, пока не согласовано. Конечно, утвердят. Ну... Я вас услышал. Всего доброго.

Гермес сморщился, как пролежавший целый день под солнцем финик.

– Старый бюрократ... Да, Арти, девочка моя... Только киконцы? Хорошо, мобилизуй их там. Да, и я тебя... извини, параллельный... Гефест, приветствую! На ловца и зверь бежит: твои танкеры еще ходят через Босфор? Я думаю сделать с ними эпизод... Черт, жаль... А водозаборники у Скиллы работают? Чудненько. Мы попользуемся ими, лады?

На лбу у бога выступил пот, но голос звучал все так же бодро.

– Посейдон Кронович? А можно мы еще позаимствуем вашего циклопа? Он же на Сицилии сейчас? Хорошо, благодарю душевно! Амон? Это Гермес, с Олимпа... Разреши привлечь ваших камнеметателей буквально на один эпизод? Да, тех самых, диких. Которые людей едят. Отлично. Благодарю.

Закончив последний разговор, бог шумно выдохнул и сделал страшные глаза.

– Ну, на первые три сезона сценарий в основном понятен. Что-нибудь еще добавим, конечно, по мелочи... А дальше я тебя закину знаешь куда? Нет, не знаешь – через Гиб... то есть, через Геркулесовы столбы, в Иберию и Галлию. Экзотика!

– Я даже не слышал об этих островах, уважаемый Гермес, – проговорил Одиссей, которому вдруг пришло в голову, что он ввязался во что-то очень скверное, и от него самого теперь зависит очень мало. С другой стороны, разве не таковы всегда были отношения бессмертных и людей?

Гермес еще больше приободрился.

– Это еще что! Доберешься до самой Огигии! Это такой остров, весь зеленый, чертовски дождливый... Я там жил когда-то. Жители сплошь пьяницы, но все до единого славные парни, вот увидишь. Ты обживешься, накопишь сил, построишь корабль – и вернешься обратно, на свою Итаку!

Одиссей кивнул. Эта часть нравилась ему куда больше.

– В финале нужна битва, – продолжал Гермес. – Просто вернуться домой и зажечь счастливо ты не можешь. Не тот персонаж, да и аудитория не оценит. Ну, что ж, придется поубивать кого-нибудь. Скажем, захватчиков, пришедших на твою землю. Или, может, коварную жену-изменщицу?

– Бессмертный Гермес! Пенелопа верна мне!

– Ладно-ладно, пускай верна... тогда перережешь ее любовников. Их будет сто двенадцать, как раз хватит на целый эпизод. Кровища, внутренности крупным планом, стрела в горле... ну, да сам знаешь, что я тебе рассказываю.

Гермес откинулся назад и с удовольствием оглядел сверкающие чертоги.

– А назовем мы все это «Приключения хитроумного Одиссея». Нет, лучше «Возвращение Одиссея».

– Может быть, просто «Одиссей»?

Гермес наморщил лоб.

– Слишком просто. Народ не поймет. Хотя... «Одиссей». «Одиссей». Нет, все же чего-то не хватает, какого-то намека, оттенка значения... Спасибо за идею, дружище, я с тобой

еще свяжусь, а сейчас мне еще кое-что нужно будет уточнить...

Бессмертный уже не видел его, он разговаривал с невидимыми собеседниками и радостно смеялся наступлению пока смутного, но захватывающего будущего, полного дивных чудес и невероятных приключений.

...Предопределенность висела тяжким бременем.

Царю Итаки больше не хотелось путешествовать.

Не убий

– История эта, – сказал доктор Керри, останавливаясь у большого окна, – скорее трагическая. Удивительно, что в вашей, я бы сказал, довольно легкомысленной газетке ей заинтересовались.

– Мы стараемся расширить круг своих читателей за счет интеллектуальной публики, – пояснил журналист. Зажатый в его руке диктофон прилежно записывал каждый звук. Впрочем, сейчас в коридоре Межпланетного исследовательского центра было совсем тихо. Доктор Керри недоверчиво хмыкнул и бросил взгляд за стекло.

В окне виднелась небольшая комната, залитая приятным желтоватым светом. Кровать, стол, стул, умывальник. В углу находилась закрытая кабинка, внутри которой то и дело плескалась по матовым стенам вода – кто-то принимал душ. Все чистое, блестящее, нетронутое старением. Подопытных содержали в хороших условиях.

– То, что я сейчас расскажу, – продолжил после паузы доктор Керри, – показывает, что, как бы мы ни старались, ни продумывали и просчитывали, последствия контактов с менее развитыми цивилизациями всегда оказываются непредсказуемыми и очень редко соответствуют нашим надеждам и вычислениям. Что, к слову, многое говорит об обоснованности тех и других.

Журналист изобразил лицом понимание, хотя про себя подумал, что в репортаже эту фразу нужно будет сдвинуть ближе к концу истории. Пока что для него (и будущих читателей) она не несла ни малейшего смысла.

– Это началось во время Второй Экспансии, около трехсот лет назад, – начал доктор. – Поисковика-волонтера звали Баако Умми. Перед приземлением на очередную планету он обнаружил, что большую ее часть занимает океан; суши оказалось что-то около десяти процентов, и она вся приходилась на архипелаги. Представьте: бескрайняя синь воды до самого горизонта, куда ни глянь, и только зелено-желтые точки островов тут и там...

Журналист представил и спохватился, что уж это-то обязательно должно попасть в итоговый текст.

– На одном из крупных обитаемых островов найденной планеты (поисковик назвал ее Новой Лагуной) жило племя – в точности, знаете ли, как когда-то у нас в Австралазии. Почти первобытный уровень, общение с духами огня и сидящими на облаках богами, в плане хозяйствования так и не поднялись выше каменных орудий...

– Примитивный коммунизм, – усмехнулся его собеседник.

– Вероятно, да. Но вполне рабочий и агрессивный, с эдаким диковатым тропическим шармом – кокосовые пальмы, банановые заросли, садки из лозы, рыба на ужин, скалящие в улыбке зубы загорелые туземцы... м-да, и туземки, вероят-

но, тоже. Может быть, этот шарм ударил в голову Баако, напомнил о далекой исторической родине – сам он был родом из Конго. А может быть, имелись другие причины, о которых мы никогда не узнаем. Ясно одно: поисковику пришла в голову крайне опасная прогрессорская мысль – помочь аборигенам. Спасти их от, как он сам выразился в аудиодневнике, проклятия «стрелы Аримана».

– Кого?

Дверь кабинки сдвинулась в сторону, и оттуда выбрался худощавый загорелый мужчина лет тридцати. С длинных черных волос стекала на пол вода, вокруг бедер было обернуто бледно-зеленое полотенце. Мужчина равнодушно скользнул взглядом по окну и уселся на пол, подобрав под себя ноги. Его глаза были устремлены прямо вперед, в никуда, расфокусированные и спокойные. Журналисту отчего-то стало не по себе.

– Аримана, – пояснил доктор Керри. – Так называется жесткий стресс, обрушивающийся на людей, находящимися под пятой репрессивного государства. Иными словами, Баако собрался устранить на Новой Лагуне возможность появления централизованного аппарата насилия – иерархического государства, дав туземцам возможность всю свою историю прожить в ласковом тропическом коммунизме. Так сказать, добавить щепотку гуманности в суровое первобытное общество. Превратить только что снявших звериные шкуры дикарей в коммунаров двадцать первого века.

– Но как?

– Баако находился в затруднении. С одной стороны, поисковикам никогда не возбранялось оставить аборигенам какой-нибудь мелкий подарок – кресало или стальной нож. Лет через пятьдесят они все равно развалятся в труху, но перед этим могут спасти жизни бесчисленных туземцев. С другой же – задуманное Баако выглядело куда масштабнее этих детских подарков. Изменение жизненного уклада целой планеты, произведенное с помощью идей! В случае успеха его действия изучали бы в университетах, как сейчас поступают с Христом, Лениным и этим, как его... Лао Янем. А уж какая блестящая карьера его ждала бы на Земле, в нашем институте, или в Департаменте психоистории, или даже в мерзкой лаборатории Мак-Кейра, в секции медицины и крови...

– Что же произошло на самом деле? – напомнил о своем существовании журналист.

– Он явился туземцам ночью, в ореоле плазменных двигателей и брызгах химического топлива. Представился одним из богов – человеческая мифология незамысловата на всех планетах и обязательно выводит родословную от каких-нибудь сынов неба – и сообщил, что был послан принести им небесный завет. Попросту говоря, правила, по которым аборигены должны жить, если не хотят испытать на себе гнев всевышнего.

– Выглядело это, должно быть, крайне убедительно...

– Да, наш парень хорошо понимал в психологии и спец-

эффектах – отличное качество для фокусника. Он объяснил новолагунцам правила, которые продумал заранее, заставил их поклясться блюсти их до последней буквы, и с большим ревом, в огненном столбе отбыл наверх, к своему солнечно-му дому.

Журналист поморщился. Услышанное тянуло пока лишь на скромную заметку: «Безответственность прогрессора: когда прекратятся глупые шутки над развивающимися планетами?» Гаданиями же в его газете занимался совершенно другой отдел.

– А теперь, – сказал доктор Керри, – несколько слов о правилах, которые Баако оставил предкам нашего подопытного экземпляра. Он был убежденным пацифистом и исходил из того, что человеческую агрессию можно и нужно поставить под контроль. Поэтому первой и главной его заповедью было категоричное: «Не убий человека». Никаких исключений, никаких компромиссов: человеческая жизнь провозглашалась главной и безусловной ценностью Новой лагуны. Неоказание помощи трактовалось как убийство, оставление на растерзание зверям или отравление – то же самое. Отныне туземцам предписывалось бороться за каждую жизнь, используя любую возможность излечения. По замыслу Баако, это должно было уменьшить количество смертей в племени и тем самым дать ему преимущество перед врагами из других племен.

– Весьма наивный подход.

– Можно сказать и так. Однако, наш поисковик давно миновал подростковый возраст и сознавал, что мир не создан из розовых пони и сахарных облаков. Вторая его заповедь гласила: «Врагов своих, желающих убить или поработить тебя, или поработить родных твоих, или близких, или друзей, или соплеменников, ты можешь калечить и не заботиться о них более. Ибо сохранение жизни – большой дар, и мало мудрости в заботе о тех, кто сам его не ценит».

– Вот это уже звучит реалистично, – признал журналист. – Видно, этот ваш Баако понимал, что островитянам придется воевать, и тут их пацифизм может сыграть злую шутку – противник, не имеющий подобных ограничений, одержит легкую победу.

– Именно так. Третья заповедь была и того проще: «Тех, кто тебе неприятен, бей словами и криками без жалости. Ибо слова – не камни и палки, и мало вреда принесут сами по себе». Как видим, Баако Умми намеревался установить своими правилами минимальный уровень насилия, необходимый для выживания племени, а также создать предпосылки для роста интеллектуального уровня туземцев. Судя по записям корабельного самописца, наш парень потратил много времени, подыскивая нужные формулировки и избегая двусмысленностей в правилах. Те же записи свидетельствуют, что он оказался очень доволен итоговым результатом.

Доктор с каким-то мечтательным выражением покачал головой.

– Меня до сих пор восхищает смелость этой задумки... Только подумайте, какой интересный эксперимент мог бы получиться, увенчайся вся эта затея успехом! Мир без убийств, цивилизация без насилия, и все это сотворено чистой идеей гостя с далеких небес – до чего изящной концепцией это могло бы стать!

– Будь я простодушным новичком, только что из университета, – сказал журналист, – я бы вам, вероятно, поверил. Но опыт подсказывает, что лет через пять после чудесного исчезновения бога все непременно вернулось бы на круги своя. Убивать всегда легче, чем договариваться, а наш мозг ленив и ищет простых решений. Затея Баако никак не могла закончиться успехом.

– Вы правы, – согласился доктор Керри. – Ленивый человеческий мозг любит работать с шаблонами, и в любой незнакомой ситуации ищет подобие тому, с чем уже когда-либо имел дело. Инстинктивно мы всегда сравниваем новые события с прошлыми, выискивая общие черты и устанавливая точку отсчета. То же и с идеями: всегда удобнее и лучше воспринимается те, которые совпадают с уже усвоенными концепциями – а вот оригинальным мыслям нужно потрудиться, чтобы пробить себе путь в неподатливые головы аудитории. Судьба первопроходцев трудна и часто незавидна. Впрочем, это не повод не быть первопроходцем.

– Кажется, – заметил журналист, – в этот раз ваш пионер выступил не лучшим образом: как я помню, в результате его

деятельности новолагунцы полностью вымерли...

– Если не считать последнего экземпляра за этим стеклом, – уточнил доктор Керри. – Благо, аборигены оказались знакомы с письменностью, да и наш друг в изоляторе поделился кое-какими древними преданиями. Это не исторические хроники, конечно, скорее – полные логических дыр легенды полоумных стариков, но зачатки того кошмара, который воцарился на планете после отбытия Баако, прослеживаются уже там.

Журналист кивнул и приготовился слушать – история помимо воли захватила его.

– Поначалу, видимо, все шло неплохо – стремление во что бы то ни стало сохранять жизни соплеменников работало скорее в плюс, и количество аборигенов на острове... хм, мы назвали его Альфа... росло достаточно быстро. Даже слишком быстро. Понимаете, о чем я?

– Появилась нужда в экспансии?

– Да, разумеется! Определенная территория способна прокормить только фиксированное количество особей... хм... туземцев. Если их становится больше, нужны более обширные земли, которых нет, ибо речь идет об острове. Имеются, правда, соседние острова, но они заселены другими племенами, трогать которые настрого запрещено инструкциями Баако.

– Возникла трудность, – кивнул журналист. Доктор Керри засмеялся.

– Трудность? Нет, больше, чем трудность – кризис! Как вы думаете, чем он мог завершиться?

– Ну, – сказал журналист, подумав, – я вижу два варианта. Первый: религиозный пыл аборигенов оказывается сильнее человеческой природы. Они продолжают свой изоляционистский, пацифистский образ жизни, постепенно деградируют и вымирают. Но ранее вы сказали, что вымер весь архипелаг целиком: отсюда я делаю вывод, что они каким-то хитрым манером истолковали свои заповеди и вывели из них предпосылки к дальнейшей экспансии.

– Отлично! – похвалил его доктор Керри. – Именно так все и было. Поскольку вторую заповедь переосмыслить никак не получалось, слишком уж она четкая... кстати, о второй заповеди. Один раз Альфу пытались захватить. Хотите послушать эту историю?

Журналисту хотелось быстрее покончить с историей вымирания новолагунцев и покинуть исследовательский центр навсегда, но вряд ли это было возможно без рассказа доктора Керри. Поэтому он только кивнул и улыбнулся.

– Первая попытка захвата случилась лет через пятьдесят после отлета Баако, – начал доктор. – В легендах упоминаются мудрые старики, видевшие бога. Но, по всей видимости, «пришедшие с худыми помыслами чужаки» были просто случайной компанией морских разбойников, а не централизованным и продуманным рейдом. Тем не менее, этот эпизод важен для нас потому, что позволяет понять, как раз-

вивалась мысль новолагунцев с Альфы в области творческой интерпретации второй заповеди.

– «Врагов, желающих поработить тебя, можно калечить», – по памяти процитировал журналист. – Я помню.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.